

ЦЕННОСТНАЯ ПАЛИТРА ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО РЕГИОНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ: ДИАГНОСТИКА И ВЛИЯЮЩИЕ ФАКТОРЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)¹

Рассматривается проблема прерывания преемственности ценностей в Восточной Сибири середины XIX – начала XX в. и вопрос изменения ценностных ориентаций. Отдельное внимание уделено факторам, оказывающим наибольшее влияние на систему ценностных взглядов, и вопросу их диагностирования.

Ключевые слова: ценности, изменение ценностей, диагностика, прерывание преемственности, Восточная Сибирь XIX–XX веков.

Вторая половина XIX – начало XX в. в истории России переполнены событиями, имевшими решающее значение не только в ее экономическом, но и общественном развитии: отмена крепостного права, начало промышленного переворота, усиление общественного движения, революции и Гражданская война. Все они напрямую связаны с существенными общественными трансформациями, где большую роль сыграло прерывание ценностной преемственности. Это обстоятельство нашло отражение в ключевых социокультурных характеристиках данного периода, одной из которых, на наш взгляд, стал ценностный конфликт поколений. Достаточно хорошо он прослеживается на примере русского нигилизма 1860–80-х гг. Прерывание преемственности положило начало серьезным изменениям в ценностных ориентациях, повлекших за собой тяжелые последствия для всей страны.

К середине XIX в. крепостное право представляло собой главное препятствие на пути развития капитализма в России. С его отменой в 1861 г. начинают складываться новые общественные отношения, меняются принципы поведения и деятельности, формируется новая психология. Страна переживает переход от традиционного типа общества к буржуазному. Отличительным признаком традиционного является принцип приобщения к ценностям, идеям, культуре предков и попытка их освоения. В буржуазном обществе (или любом другом нетрадиционном, в том числе и современном), напротив, на первое место выходит стремление утвердить свое отличие от предыдущего поколения [1, с. 650–651; 2, с. 525–526]. В процессе этой трансформации ввиду нарождавшихся требований новой культуры возникает проблема поколения, не характерная для традиционного типа. Суть этой проблемы заключается в «некоммуникабельности», отсутствии связи между поколениями и в конце концов их конфронтации [1, с. 651]. И. С. Тургенев весьма точно дал определение витавшим в умах идеям того времени, назвав свой роман «Отцы и дети».

Общественный подъем второй половины XIX в. объясняется надеждами на удачное окончание Крымской войны, однако после поражений и неудач причиной этого подъема стало недовольство народа и общества [3, с. 264]. В условиях модернизации, многообразия общественных мнений, усиления недовольства возрастает конфликтность в различных формах. Например, количество крестьянских выступлений в 1861 г. было в 2 раза больше, чем за 1856–1860 годы [3, с. 314]. По сути все эти столкновения и противоречия заключаются в одном – в конфликте ценностей [4, с. 18].

Таким образом, состояние общества начала рассматриваемого периода можно характеризовать как конфликт поколений 1860–80-х гг., который представляет собой не только конфликт ценностей, но и проблему их преемственности (передачи).

Прерывание преемственности ценностей приводит к расшатыванию и снижению стабильности государственного устройства, а в 1917 г. – к ее полному разрушению. Стабильность подразумевает под собой устойчивость и упорядоченность в функционировании различных частей государственной структуры, ключевым элементом которой является общественная составляющая. Быстрые переходы из одного состояния в другое, наличие культурных, идеологических или социально-экономических «расколов» в обществе являются основой нестабильности [5, с. 51]. Устойчивость традиционного общества опирается на преемственность, поэтому прерывание этой связи напрямую отражается на стабильности государства [2, с. 525].

Стоит отметить, что в начале 1860-х гг. центральное место в мировоззрении еще занимала идея служения народу, а народниками, по утверждению С. Л. Франка, были все – и умеренные либералы, и социалисты-народники, и марксисты, теоретически боровшиеся с народничеством [6]. Однако, как показали события 1917 г., итог столь ожидаемой революции оказался совершенно неожиданным [7, с. 99; 20]. Старые идеалы и ценностные

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ (проект № 11-33-00111а2 «Междисциплинарное исследование социокультурных механизмов преемственности ценностей»).

представления были окончательно разрушены и на их место возведены новые. Таким образом, принимая во внимание тот факт, что ценностные представления не могут в одночасье поменяться, представляется уместным говорить об изменении ценностей в период 1860–1917 гг. Так, И. А. Ильин в своих работах эмигрантского периода полагал, что происходила постепенная метаморфоза сознательных структур революционной интеллигенции [8, с. 133]. В вопросе изменения ценностных установок нас интересуют два момента: первый – факторы, под влиянием которых происходили изменения; второй – каким образом можно проводить диагностирование ценностей и их изменений.

Сибирь, являясь окраиной России, переживала со страной все ее изменения, однако со своими региональными особенностями. Например, отмена крепостного права проходила здесь иначе, чем в Европейской России. Суровые природные условия, удаленность от центров просвещения и цивилизации, продолжительная ссылка неугодных государству элементов и переселения из центральных губерний, вольность взглядов и образа жизни и, как следствие, легкость в восприятии нововведений формировали, по мнению Н. М. Ядринцева, новый тип цивилизованного человека [9, с. 109], отличного от европейского. Однако это не означает, что сибирский регион полностью отличался от центрального. Общие для всей страны тенденции перехода от традиционного общества к буржуазному, нарастания революционных настроений, политических изменений и т. д. распространялись также и на Сибирь. В качестве одной из причин этого можно указать постоянное пополнение населения региона за счет ссыльных и переселенцев. Так, по мнению С. В. Евдокимовой, состав политической ссылки отражал основные изменения в освободительном движении России [10, с. 20].

Итак, можно сказать, что причины и факторы изменения ценностей в Сибири второй половины XIX – начала XX в. были как общероссийские, так и характерные для региона. Среди факторов, оказывающих наибольшее влияние на формирование и изменение ценностей, по нашему мнению, можно выделить несколько основных – семейное воспитание, образование, круг общения и средства массовой информации.

Семья в жизни человека является первым источником для формирования его системы ценностей. В семье он получает первые знания о мире и обществе, в котором живет. Вместе с этими знаниями перенимается и отношение старших к различным явлениям и событиям. Таким образом, меха-

низм преемственности между поколениями начинает работать с самого детства. Конечно, в условиях некоторых ситуаций, таких, например, как война, революция или просто суровые природные условия, прежнее поколение «отцов» может исчезнуть и поколение «детей» будет вынуждено восполнять утерянную связь в другом месте. По мере взросления система ценностей претерпевает изменения, связанные не только с освоением «родительских» ценностей с течением времени, но и с появлением и влиянием новых факторов.

Один из таких факторов – получение образования, в процессе которого ученик перенимает от учителя знания, а вместе с ними и его мнение, взгляды и ценностное отношение. Например, сами учителя на многих съездах в 1917 г. отмечали исключительную роль личного примера учителя в учебном процессе [11, с. 10]. Важность образования как механизма изменения ценностей можно определить несколькими причинами.

Во-первых, студенческий возраст¹ наиболее подвержен стороннему влиянию. В этот период заметно расширяется круг общения, возрастает число контактов, происходит формирование будущего мировоззрения, ценностей и нравственных установок взрослого человека [12, с. 187]. Наибольшее влияние в этом возрасте на формирование системы ценностных взглядов уже оказывает не семья, а «посторонние» люди – друзья, сверстники, учителя. Результаты такого влияния отражаются, например, в стачечном движении учащихся конца XIX – начала XX века [13, с. 38].

Во-вторых, повышенный спрос на образовательные услуги в Сибири второй половины XIX в. Для модернизации страны и развития промышленности требовались квалифицированные кадры, это в свою очередь повышало значимость и востребованность образования. На рубеже веков училищная сеть была представлена разнообразными заведениями, как официальными, так и неофициальными. Следует отметить, что существовали определенные отличия в целях образования, которые ставили государство, церковь, общество [14, с. 98] и сами учителя [10, с. 25; 15, с. 136; 16, с. 92–93].

К группе неофициальной училищной сети относились «домовые», или «вольные» школы. В период с 1861 г. и вплоть до начала XX в. в сельской местности доля грамотных, получивших образование в таких школах, составляла почти 50 % [14, с. 94]. При этом учителями в этих школах выступали грамотные родители, родственники, старообрядческие наставники и наемные учителя. Последняя группа большей частью состояла из ссыль-

¹ Под студентами здесь мы понимаем учащихся старших классов школ, гимназий, семинарий и институтов Восточной Сибири XIX–XX вв.

нопоселенцев, особенно это было характерно для Восточной Сибири [14, с. 93]. Естественно, что говорить о какой-либо единой цели или программе воспитания в таких школах не приходится.

Вторая группа, официальных школ, была представлена школами духовного ведомства, Министерства народного просвещения, военного ведомства и других министерств. Государство через эти школы проводило политику воспитания благонадежных граждан. К концу XIX в. доля официальных образовательных учреждений постепенно возрастает, «вольные» школы переходят в ведомство администрации и церкви. Однако при всем разнообразии учебных заведений запросы общества превышали возможности и желание государства.

В-третьих, образование на рубеже XIX–XX вв. становится той конфликтной ценностью, которая условно разделила крестьянское общество на «сторонников» образования и его «противников» [17, с. 251]. Под влиянием модернизации и меняющихся условий жизни все больше становится его сторонников, которые меняют свое мнение в пользу необходимости образования.

Другим фактором трансформации ценностей выступает круг общения. Население Сибири было разнородно по своему составу, сюда входили политические и уголовные ссыльные, старообрядцы, переселенцы, инородцы. Каждая из этих групп оказывала определенное влияние на другие.

Восточная Сибирь являлась основным местом ссылки политических и уголовных преступников. Начиная с 60-х гг. начинается приток ссыльных, к 1881 г. их число составляет 430 человек, а суммарно в пореформенный период ежегодно в Восточную Сибирь ссылается по 18–20 тыс. ссыльных [10, с. 18–20]. Политические ссыльные оказывали воздействие на население через культурно-просветительскую и общественную деятельность (они были учителями, юристами, врачами, корреспондентами, научными сотрудниками и т. д.). Как утверждает С. В. Евдокимова, результатом распространения политссыльными вольнолюбивых идей и духа протеста являлись открытые выступления [10, с. 26–27]. Последствия же уголовной ссылки, по мнению М. В. Шиловского, выражались в рецидивной преступности и девиантном поведении у крестьян [18, с. 159].

Переселенческое движение было одним из основных и самым многочисленным источником увеличения населения Сибири. В ходе этого процесса население разделялось на две части – старожилов и новоселов. Новоселы привозили с собой свои устои, обычаи и быт. В процессе постепенной адаптации к сибирскому образу жизни они переходили в категорию местных и не без гордости называли себя «сибиряками» [18, с. 162].

В ходе увеличения количества переселенцев и занятия земель коренных народов возникает вопрос взаимодействия с инородцами. Несомненно, имело место положительное влияние русской культуры на инородцев, однако под напором поселенцев ответная реакция сводится к стремлению инородцев сохранить свои кочевые угодья (это выражалось в форме грабежей и вооруженных выступлений), что являлось одной из главных причин возвращающихся обратно переселенцев [18, с. 164].

Еще одним фактором влияния на ценности являются средства массовой информации. На рубеже XIX–XX вв. радиосвязь только начинает использоваться вне лабораторных условий, поэтому основным средством распространения информации являются печатные издания. На газетных страницах размещались сообщения государственной и местной администрации, сообщения различных обществ, телеграммы, письма, объявления и т. д. Корреспондентами в газетах выступали учителя [19, с. 62], члены географических обществ, ссыльные [10, с. 24–25] и т. д. Периодическая печать играла первостепенную роль в формировании общественного мнения и являлась орудием в борьбе общественных и политических сил [3, с. 322; 20, с. 112–113].

Таким образом, семейное воспитание, образование, круг общения и средства массовой информации (печатные издания) являются факторами, которые не только оказывали большое влияние на социально-политическую и экономическую жизнь местного населения, но и имели значительное влияние на систему его ценностных взглядов. Для определения степени влияния этих факторов необходим метод, с помощью которого можно проводить диагностирование системы ценностей.

Авторы работ по исследованию ценностей в Сибири используют разные методы их выявления. Так, ценности сельских учителей в Восточной Сибири на рубеже XIX–XX вв. реконструировались по анкетному обследованию начальных школ Российской империи [21, с. 10], а ценности западно-сибирской предпринимательской культуры – по материалам из фактов биографий и деловой карьеры предпринимателей [22, с. 109]. Однако таким подходам к реконструкции ценностных ориентаций присущи некоторые недостатки.

Соглашаясь с Л. Б. Эрштейном и С. В. Яковлевым относительно сомнений в объективности диагностирования ценностей тестовыми методиками [23; 24, с. 299], следует добавить, что применимость данного метода к историческому исследованию ограничена. Во-первых, отсутствует сама возможность проведения тестов. Во-вторых, доступны лишь результаты уже проведенных опросов, при этом они не являются специализированными

для диагностирования ценностей. В процессе интерпретации результатов могут возникнуть лишние погрешности, и поэтому необходимо привлекать дополнительные материалы. М. В. Шиловский убедительно показал это, рассматривая мотивы благотворительной деятельности сибирских предпринимателей [25]. В-третьих, необходима периодичность проведения опроса и несменяемость респондентов для подтверждения истинности ответов [23]. Выполнение этого условия представляется весьма затруднительным. Таким образом, объективность результатов и эффективность применения тестовых методик и материалов анкетных обследований находится под сомнением, что, однако, не уменьшает историческую ценность последних как фактического материала.

Использование биографического материала также сопряжено с некоторыми сложностями – дополнительные погрешности при интерпретации, достоверность фактов, полнота материала. Также следует отметить возможную полярность такого метода при исследовании биографий выдающихся представителей своего времени.

С нашей точки зрения, представляется уместным использовать для определения ценностей методику «целенаправленного воздействия» [23]. Согласно принципу, что ценности существуют в их проявлении, диагностирование осуществляется при создании напряженной ситуации и регистрации реакции на раздражитель. По степени напряженности ситуации и реакции (был ли отказ от своих утверждений) можно судить об уровне ценности декларируемых установок. Создание такой напряженной ситуации или продолжительность наблюдения (в случае невозможности создания искусственных обстоятельств) считаются основными недостатками данного метода, в особенности для выявления ценностей высших порядков. Применение методики «целенаправленного воздействия» в исторической ретроспективе позволяет избавиться от этого недостатка – хронологические рамки наблюдения задаются исследователем, отсутствует необходимость моделирования конфликтных ситуаций. Также снимается вопрос относительно их непосредственного наблюдения и другие проблемы, в том числе нравственные. Так, М. Блок утверждает, что достоверно смоделировать такие ситуации «невозможно – да на это никто бы и не отважился, даже если б мог, – умышленно вызвать панику или взрыв религиозного энтузиазма» [26, с. 34].

Таким образом, изучение общественного мнения Сибири XIX–XX вв. (например на биографических материалах или результатах анкетных обследований) позволит выявить ценностные (декларируемые) установки, а рассмотрение конфлик-

тных ситуаций – попытаться определить их ценностный уровень и реконструировать иерархию ценностей того времени.

Большинство социальных конфликтов Восточной Сибири периода второй половины XIX – начала XX в. происходили по причине разнородности социального состава населения. Постоянное пополнение местного населения за счет ссыльных и переселенцев также вносило свои коррективы как в состав конфликтующих групп, так и в характер самих конфликтов. Так, К. В. Скобелев разделяет все социальные конфликты Сибири на несколько видов: переселенцев с переселенцами, новоселов со старожилами, русских с инородцами, сибиряков со ссыльными, православных со старообрядцами, переселенцев с властями [27, с. 199]. Причиной конфликта автор отмечает такую черту менталитета сибиряков, как локальность, которая основывается на автохтонности [27, с. 204], т. е. принадлежность к определенной территории. К такого рода конфликтам относятся ситуации захватного землепользования, характерного для переселенцев Сибири, требования высокой платы или непредоставление приемных приговоров [28, с. 98], отрезков «излишков» у инородцев и др.

К другому типу конфликтных ситуаций следует отнести такое явление, как голод. По мнению В. Ю. Титова, три главных события в развитии Восточной Сибири (отмена крепостного права, строительство Сибирской железнодорожной магистрали, русско-японская и Первая мировая войны) сопровождались продовольственным кризисом, удорожанием продуктов и безработицей [29, с. 77]. Причиной этого явления указывается наличие перекупщиков, нужда деревни в деньгах (следствие развития капиталистических отношений), а также произвол местной администрации в выплате зарплат.

Еще один тип конфликтов составляют явления войны и революции. Непосредственно военные действия на территории Восточной Сибири не проходили, но влияние на внутреннюю жизнь оказывалось значительное. Например, в русско-японской войне 1904–1905 гг. Сибирь являлась непосредственным тылом военных действий и воспринималась совершенно иначе, чем в Европейской России. Так, М. В. Шиловский указывает количество призванных на эту войну – 49,5 % трудоспособных мужчин для Иркутской губернии и 54,8 % – для Забайкальской области, 80 % из которых были крестьянами [30, с. 13]. Уход на войну более половины трудоспособного мужского населения представляется весьма тяжелым испытанием для оставшихся. Подтверждением этому может служить тот факт, что для крестьянства того времени даже в условиях невоенного положения было характерно использование детского труда в хозяйстве [17, с. 252]. По-

мимо этого были и другие последствия и влияния войны на регион – увеличение количества сирот, размещение сети лазаретов и госпиталей, обеспечение продовольственных поставок армии, ухудшение криминальной и криминогенной обстановки [30, с. 15].

Явление революции в постановке вопроса влияния на ценности несколько отличается от явления войны. Нельзя не согласиться с П. А. Сорокиным в том, что войны и революции оказывают огромное влияние на поведение людей [7, с. 100]. Однако, по нашему мнению, эти явления являются не столько причиной изменений, сколько индикатором, который показывает ценностное отношение без сдерживающих факторов. В мирное время различные социальные и государственные институты регулируют поведение человека, а в условиях войны или революции они перестают существовать [7, с. 101] и человеку приходится действовать лишь в рамках своих ценностных представлений. Отличие же состоит в том, что революция не может случиться внезапно как война, она на протяжении определенного периода времени подготавливается. Поэтому

в условиях войны следует говорить о ценностных установках, которые сформировались в повседневной жизни, а в условиях революции – о сформированных ценностях.

Подводя итог, можно сказать, что с переходом от традиционного типа общества к буржуазному и развитием революционной ситуации в Восточной Сибири второй половины XIX – начала XX в. происходит коренное изменение общественного сознания, суть которого заключается в изменении ценностных установок. Это изменение берет свое начало в проблеме поколения 1860–80-х гг. (прерывание ценностной преемственности) и заканчивается к 1917 г. коренным изменением сознания, становлением новой системы ценностных взглядов. На протяжении этого периода на систему ценностей оказывают влияние такие характерные для Восточной Сибири факторы, как семейное воспитание, образование, круг общения и средства массовой информации. Реконструировать и диагностировать ценности людей того времени можно, опираясь на материалы, содержащие сведения об их поведении в конфликтных ситуациях.

Список литературы

1. Каган М. С. Проблема поколения в истории культуры. // Избранные труды в VII томах. Том III. Труды по проблемам теории культуры. СПб.: ИД «Петрополис», 2007. С. 650–652.
2. Келле В. Ж. Время в культуре и проблема преемственности // Судьба европейского проекта времени. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 520–533.
3. Гросул В. Я. Русское общество XVIII–XIX веков: Традиции и новации. М: Наука, 2003. 517 с.
4. Ахиезер А. С. и др. Модернизация в России и конфликт ценностей. М: ИФРАН, 1994. 248 с.
5. Логинов А. В. Стабильность политической системы и факторы, ее определяющие // Гуманитарий. Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 2008. Вып. 7. С. 50–55.
6. Франк С. Л. Крушение кумиров. URL: http://www.yabloko.ru/Themes/History/frank_kk.html
7. Волошина В. Ю. П. А. Сорокин о морально-правовой деградации общества в условиях социальных конфликтов // Социальные конфликты в истории России: мат-лы II Всерос. науч. конф. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. С. 99–104.
8. Гаман Л. А. И. А. Ильин о революции 1917 года в России // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2007. Вып. 3. С. 131–136.
9. Логвинова А. Н. М. Ядринцев об особенностях сибирского характера // Аграрная история Сибири: традиции и модернизация: мат-лы науч.-практ. студ. конф. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. С. 108–110.
10. Евдокимова С. В. Политическая ссылка в Забайкалье в 60–90-е годы XIX века // Историческое, культурное и природное наследие (состояние, проблемы, трансляции). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН; ВСГАКИ, 1997. Вып. 2. С. 17–29.
11. Дробченко В. А. Профессиональные вопросы на съездах учителей Сибири в марте-июне 1917 года // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). Томск, 2000. Вып. 4. С. 9–11.
12. Ефименко Е. А. Студенческий возраст как наиболее сензитивный период формирования духовных ценностей будущей профессиональной деятельности // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. Вып. 88. С. 186–188.
13. Плотников А. Е. Учащиеся Сибири в общественном движении в первой Российской революции // История общественных движений и политических партий России: мат-лы респ. науч. конф. Томск, 1992. С. 37–41.
14. Зверева К. Е., Зверев В. А. Вклад русского крестьянства в развитие образовательного потенциала Сибири (1861–1914 гг.) // Культурный потенциал Сибири в досоветский период: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: НГПИ, 1992. С. 85–104.
15. Щербаков Н. Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984. 244 с.
16. Смокотина Л. И. Г. Н. Потанин о необходимости реформирования российского народного образования в конце XIX – начале XX веков // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2007. Вып. 3. С. 91–94.
17. Зверева К. Е., Андришкевич Ю. В. Модели отношения сибирского крестьянства к школьному образованию в конце XIX – начале XX века // Социальные конфликты в истории России: мат-лы II Всерос. науч. конф. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. С. 250–254.

18. Шиловский М. В. Специфика политического поведения крестьян и городских обывателей Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Проблемы менталитета в истории и культуре России. Новосибирск: [б. и.], 2004. Вып. 6. С. 158–185.
19. Акулич О. А. Образ сельского учителя в Сибири конца XIX – начала XX веков // Традиции Сибирской интеллигенции: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: Оттиск, 1999. С. 61–62.
20. Худяков В. Н. «Отцы и дети»: конфликт поколений в среде русских интеллектуалов второй половины XIX века (к постановке проблемы). // Социальные конфликты в истории России: мат-лы II Всерос. науч. конф. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. С. 110–117.
21. Оглезнева Г. В. Ценностные ориентации сельских учителей Восточной Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: II Всерос. науч. чтения. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. С. 9–12.
22. Беспалова Ю. М. Предпринимательство и его ценности (на материалах Западной Сибири второй половины XIX - начала XX вв.). // Вестн. Тюменского гос. ун-та. 2000. Вып. 4. С. 103–111.
23. Эрштейн Л. Б. Запретная теория ценностей: Психологические и социологические следствия представления ценностей как динамических запретов. URL: <http://hpsy.ru/public/x3725.htm>
24. Яковлев С. В. Методологические подходы к разработке средств объективной диагностики состояния системы ценностей личности // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. Вып. 81. С. 297–306.
25. Шиловский М. В. Побудительные мотивы благотворительной деятельности сибирских предпринимателей // К истории предпринимательства в Сибири: мат-лы всерос. науч. конф. Новосибирск: [б. и.], 1996. С. 79–83.
26. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986. 178 с.
27. Скобелев К. В. Социальные конфликты в Сибири во второй половине XIX – начале XX века (социально-психологический аспект) // Социальные конфликты в истории России: мат-лы II Всерос. науч. конф. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. С. 199–211.
28. Чуркин М. К. Правовые воззрения старожилов и переселенцев Сибири и их реализация в поземельных отношениях пореформенного периода (1881–1914 гг.) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2003. Вып. 5. С. 96–98.
29. Титов В. Ю. Социальные протесты и преобразования общества в Восточной Сибири (1861–1917 гг.) // Россия и Восток: взгляд из Сибири в конце столетия: мат-лы и тез. докл. к междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: Оттиск, 2000. Т. 2. С. 75–79.
30. Шиловский М. В. Влияние русско-японской войны 1904–1905 гг. на внутреннюю жизнь Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. Вып. 2. С. 12–16.

Павленко С. А., аспирант.

Иркутский государственный университет путей сообщения.

Ул. Чернышевского, 15, Иркутск, Россия, 664074.

E-mail: pavl1@mail.ru

Материал поступил в редакцию 30.03.2012.

S. A. Pavlenko

THE VALUE PALETTE EAST SIBERIAN REGION IN HISTORICAL PERSPECTIVE: DIAGNOSIS AND INFLUENCING FACTORS (SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURY)

The paper considers the problem of breaking the value succession in Eastern Siberia in the middle of the 19th – early 20th century, as well as the issue of changing people's value orientations. Special attention is paid to the factors that had great impact on the value system of people, as well as the problem of its diagnostics.

Key words: *values, changing values, diagnostics, breaking the succession, Eastern Siberia of the 19th–20th centuries.*

Irkutsk State University of Railway Transport.

Ul. Chernyshevskogo, 15, Irkutsk, Russia, 664074.

E-mail: pavl1@mail.ru